

Н. К. Грунскій.

Объ основахъ педагогической дѣятельности.

Рѣчь при открытіи студенческаго Педагогическаго Клуба
при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1905.

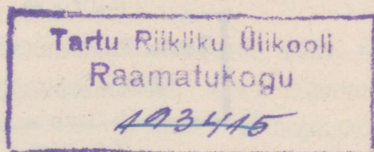
~~№ 382~~

№ 9.

Н. К. Грунскій.

Объ основахъ педагогической дѣятельности.

Рѣчь при открытіи студенческаго Педагогическаго Кружка
при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

~~723.~~ библиотекы
Юрьевской женской гимназіи
А. С. ПУШКИНА.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1905.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. IX.

Est-A

Tartu Riikliku Olikooli
Raamatukogu

16 396

Лишь тѣмъ, кто передъ трудомъ
Не отступитъ, силъ не пожалѣетъ,
Правда ликъ рѣшится свой открыть.

„Мечты и жизнь“ Шиллера.

Въ день открытія и первое засѣданіе нашего Педагогическаго Кружка мнѣ хотѣлось бы, господа, подѣлиться съ вами нѣкоторыми мыслями, близко касающимися тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя долженъ поставить себѣ всякій, готовящійся быть педагогомъ.

Кому изъ васъ не приходилось наблюдать, какъ часто родители беззавѣтно любятъ своихъ дѣтей, какъ горячо желаютъ дать имъ отъ жизни возможно лучшее. И нерѣдко всѣ эти старанія, даже при полномъ забвеніи личныхъ, эгоистическихъ интересовъ, не только не достигаютъ своей цѣли, а наоборотъ: всѣ благія намѣренія приводятъ къ совершенно нежелательнымъ результатамъ. Почему же? Вѣдь, горячая, преданная любовь, безкорыстное желаніе блага, повидимому, такія могучія силы! Да, эти силы, дѣйствительно, могучи; онѣ способны двигать горами, но при одномъ непремѣнномъ условіи — онѣ должны быть разумны. А можно ли это утвердительно сказать въ большинствѣ случаевъ относительно родительской любви? Нельзя отрицать, что невѣжество часто черезчуръ густымъ туманомъ заволакиваетъ предъ людьми настоящую дорогу, оставляя имъ только ложные, проторенные

рутиной пути. Для истиннаго же блага необходимо, чтобы люди въ своей безпредѣльной привязанности къ дѣтямъ не шли исключительно путемъ слѣпой инстинктивной любви животнаго, а находили себѣ опору въ умѣ, въ знаніи. Ихъ чувство любви должно оставаться только въ качествѣ интенсивнаго стимула, а путеводной звѣздой все же должно быть знаніе. Наука и выработанныя ею истины — единственная вѣрная дорога къ разумному благополучію и счастью человѣчества. Сама же цѣль тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе можетъ быть достижима, чѣмъ болѣе сознательно будетъ относиться къ ней общество и чѣмъ шире допустить въ свою среду при-
мѣненіе научныхъ выводовъ.

Достаточно бросить хотя бѣглый взглядъ на картину современной культуры съ ея упорными стремленіями къ опредѣленнымъ цѣлямъ, чтобы убѣдиться, какую массу энергіи и силъ можетъ проявить человѣкъ. Каждая выработанная мысль, каждое открытіе и изобрѣтеніе — ничто иное, какъ результатъ тяжелаго, медленнаго прогресса, которое человѣчество дѣлало шагъ за шагомъ, передавая свой трудъ въ видѣ наслѣдства изъ поколѣнія въ поколѣніе. Само даже слово „культура“ мы понимаемъ не иначе, какъ объединеніе всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ приобрѣтеній человѣчества, ранѣе жившаго и теперь живущаго. Какъ дѣло слишкомъ важное и сложное, культура требуетъ много заботъ для введенія въ нее молодого поколѣнія. Эти заботы и беретъ на себя воспитаніе (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова). Культуру до извѣстной степени можно сравнить съ великимъ скульпторомъ. Тяжелый молотъ и рѣзецъ въ рукахъ его — это воспитаніе. Изъ грубой и безформенной глыбы мрамора сильными ударами своего молота и рѣзца великій скульпторъ стремится создать все болѣе и болѣе совершенную статую.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ основное вліяніе въ дѣлѣ воспитанія всегда было со стороны такъ называемой интеллигенціи. Изъ этой общей группы въ свою очередь всегда выдѣляются отдѣльныя личности дѣятели — науки, писатели,

художники и т. п., которые оказываютъ руководящее и воспитательное вліяніе на общество, являясь учителями въ школѣ жизни. Конечно, не все могутъ разумно дѣлать выборъ и заимствовать непосредственно у этихъ учителей жизни. Проводникомъ же этого воспитательнаго элемента на подрастающее поколѣніе, популяризаторомъ его является педагогъ, который потому и долженъ быть до известной степени типичнымъ представителемъ интеллигенціи. Впрочемъ понятно, что къ человѣку, посвятившему себя педагогическому дѣлу, можно предъявлять и требованія, соотвѣтствующія такой великой цѣли.

Но кто же можетъ быть педагогомъ? На этотъ вопросъ въ общемъ его понятіи очень удачно отвѣчаетъ одинъ изъ современныхъ писателей. „Тотъ, кто къ жизни и къ ученью своему относится съ полной серьезностью, безъ всякаго эгоизма; кто тяжелой борьбой достигъ мудрости, которой не только поучаетъ, но и слѣдуетъ въ жизни; кто, кромѣ того, благодаря своимъ дарованіямъ можетъ дѣйствовать на людей своими художественными произведеніями или высокими дѣяніями, — тотъ долженъ быть воспитателемъ народа“. „Дѣйствительное воспитаніе исполнимо только философомъ“, замѣчаетъ по тому же поводу Спенсеръ. Доказать эту истину было бы и не трудно, ссылаясь на исторію древней Греціи и Рима. Но хотя философы нашего времени рѣдко бываютъ заняты воспитаніемъ, однако каждый, взявшійся за это великое и отвѣтственное дѣло, не долженъ прежде всего забывать надписи, сдѣланной древними греками на дверяхъ храма оракула: „учись познавать себя.“

Воспитывая другихъ, педагогъ въ то же время необходимо долженъ слѣдить зоркими критическими глазами за самимъ собой и прежде всего воспитывать самого себя. Побѣдить, перевоспитать самого себя — это одна изъ болѣе славныхъ побѣдъ человѣка въ жизни. Необходимо признать, что на многотрудное дѣло воспитанія можетъ потому съ успѣхомъ посвятить себя единственно только тотъ, кому оно дорого и мило, кто можетъ быть преданъ ему всей душой и готовъ ему

собою всецѣло жертвовать. Единственно только тотъ и будетъ въ силахъ осуществить великую и высокую цѣль воспитанія. Любовь и интересъ къ своему дѣлу — это основныя условія его успѣшности. Они, эти двигатели, главнымъ образомъ въ состояніи поднять и возбудить въ работникѣ ту силу воодушевленія, безъ чего его трудъ не выйдетъ изъ сферы служебнаго формализма и неминуемо свернетъ на путь сухой чиновничьей лямки. Педагогъ изъ числа тѣхъ „добрыхъ, благородныхъ, сильныхъ, любящихъ душой“, которые дѣйствительно вкладываютъ свою душу и посвящаютъ все свои силы дорогому для нихъ дѣлу воспитанія, никогда не сможетъ даже вогнать свою работу и свое рвеніе въ рамки схоластически черстватаго формализма, никогда не будетъ грубымъ рутинеромъ. Какъ человѣкъ работающій по убѣжденію и любящій свое дѣло, онъ вѣритъ въ него и тѣмъ самымъ дѣлаетъ его полнымъ своеобразной поэзіи и прелести. Онъ не дойдетъ до того, что сдѣлается похожимъ на „старый, съ пожелтѣвшими листьями, истрепанный учебникъ, въ захватанномъ, старомъ переплетѣ, жиденькій и тощій, въ которомъ все давнымъ давно извѣстно, и изъ котораго не вычитаешь ни одной новой мысли, ни одного новаго слова“, какъ характерно выразился о себѣ одинъ изъ представителей педагогіи въ разсказѣ Ломакина „Старый учебникъ“. Онъ не дойдетъ также и до состоянія общеизвѣстнаго чеховскаго „человѣка въ футлярѣ“. Его безпредѣльная любовь къ своему дѣлу въ видѣ награды всегда должна найти себѣ живой откликъ. Она сдѣлаетъ его полезнымъ для всѣхъ, съ кѣмъ такой педагогъ придетъ въ соприкосновеніе въ жизни и дастъ ему вѣрный ключъ къ возможному для человѣка счастью.

Задача воспитанія черезчуръ сложна и отвѣтственна и потому ничего нѣтъ болѣе возмутительнѣе педагоговъ-ремесленниковъ, смотрящихъ на свое дѣло исключительно съ точки зрѣнія бюрократической карьеры. Быть подведеннымъ подъ общій равжиръ бюрократической работы педагогическое дѣло не можетъ по самому своему существу.

Кто можетъ взять на себя великое дѣло воспитанія, тотъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть твердо убѣжденъ въ полной разумности и состоятельности выработаннаго имъ въ этомъ отношеніи идеала. Своему выработанному идеалу педагогъ необходимо долженъ быть искренно преданъ, такъ какъ сама истинная педагогическая дѣятельность не можетъ быть иначе, какъ дѣятельностью разумнаго убѣжденія и совѣсти.

Если педагогическая дѣятельность будетъ выражаться главнымъ образомъ въ передачѣ фактическихъ свѣдѣній, практическихъ приѣмовъ, она неизбежно окажется процессомъ подготавливанія тѣхъ сторонниковъ общественной рутины и гнета, „культурныхъ дикарей“, по характерному опредѣленію проф. Милюкова, которые съ перваго взгляда, внѣшнимъ образомъ, и могутъ производить впечатлѣніе людей образованныхъ. Люди этой категоріи могутъ имѣть въ достаточной степени теоретическихъ свѣдѣній, а въ то же время самое элементарное развитіе ихъ чувствованій будетъ стоять далеко не на томъ же уровнѣ. Одно фактическое усвоеніе знаній не въ силахъ оказать достаточнаго вліянія на нравственный кругозоръ человѣка и потому не въ силахъ повліять вполнѣ благотворно на характеръ его душевной дѣятельности. Самый способъ обученія при такихъ условіяхъ далеко уже не будетъ воспитывающимъ, какъ было бы желательно. Его скорѣе можно будетъ назвать сложной и довольно трудной выучкой, но ужъ далеко не тѣмъ гуманизирующимъ образованіемъ, къ которому должны быть направлены стремленія педагога.

Задача учительства оказывается несравненно шире и сложнѣй. На педагога въ сущности возлагается требованіе: мало того, что сообщать фактическія свѣдѣнія своимъ питомцамъ, но въ то же время вырабатывать изъ нихъ „истинныхъ людей“. Какъ прямое слѣдствіе — это возникновеніе у нихъ сознанія своихъ обязанностей въ отношеніи общества, сознаніе, которое постепенно формулируется по мѣрѣ усвоенія плодовъ культуры. Если человѣкъ сознательно и дѣятельно работаетъ для общаго блага и по мѣрѣ силъ дѣлаетъ свой

вкладъ въ совмѣстную культурную работу, онъ всегда будетъ цѣнить собственный трудъ, высоко ставить личное достоинство и параллельно съ этимъ будетъ относиться съ уваженіемъ къ личности другого. Входя въ тѣсный союзъ съ себѣ подобными и гармонически сливаясь съ ними, онъ не утратитъ своей личности, если будетъ ставить свои собственные интересы въ зависимость отъ общихъ.

Настоящее учительство невысказано, какъ безъ пробужденія въ людяхъ опредѣленнаго чувства, желанія и стремленія работать и развиваться умственно и нравственно, такъ и безъ стремленія неменьшаго со стороны самого учительствующаго продолжать постоянно работать надъ собственнымъ совершенствованіемъ. Дѣло воспитанія — дѣло живое и въ силахъ развиваться и идти впередъ лишь тогда, когда развивается и совершенствуется прежде всего самъ педагогъ. Дистервегъ того мнѣнія, что „учитель учитъ до тѣхъ поръ, пока самъ учится. Кто бросилъ ученье, пересталъ образовываться, тотъ не можетъ образовывать другихъ . . . Безъ чувствъ и стремленій къ дальнѣйшему образованію въ человѣкѣ умираетъ учитель.“

Вполнѣ естественно, что человѣкъ не въ состояніи двигать своего дѣла впередъ, если самъ остановился на точкѣ замерзанія. Въ сущности онъ не вправѣ и вести его. Педагогъ почившій на лаврахъ и вообразившій себя дошедшимъ до предѣла совершенства, чуждъ общей работы, какъ человѣкъ остановившійся. Такой именно педагогъ не развиваетъ, а только бываетъ способенъ дѣлать чисто механическое сообщеніе знаній. Для него трудно поддерживать тотъ огонь въ другихъ, который у него самого уже погасъ окончательно. Потому естественно, что между подобнымъ педагогомъ и воспитанникомъ не можетъ возникнуть связи, которая бы сдружила, сроднила ихъ.

Воспитывая другого руководитель, какъ старшій, естественно передаетъ ему опредѣленные убѣжденія, мнѣнія, взгляды и до известной степени стремится оказать свое вліяніе на весь

строй и укладъ его жизни. Онъ дѣлится съ воспитанникомъ своимъ пережитымъ опытомъ, своими глубоко продуманными, прочувствованными и можетъ быть даже выстраданными идеями. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ между воспитателемъ и его воспитанникомъ должна возникнуть та внутренняя связь, которая можетъ наложить прочное начало будущему человѣку, и, если будетъ поддерживаться надлежащимъ образомъ, то будетъ въ силахъ способствовать воспитанію одного изъ нихъ и усовершенствованію другого. Нельзя не притти къ выводу, что часто въ продолженіи всей жизни человѣка все теченіе его мыслей и чувствъ можетъ находиться въ тѣсной связи и зависимости отъ привычекъ, случайно сложившихся подъ вліяніемъ личности воспитателя. Въ прямой зависимости отъ этого условія можетъ произойти и тяготѣніе человѣка къ положительному или отрицательному полюсу этики. Конечно, педагогъ не въ силахъ создать цѣликомъ міровоззрѣніи своего воспитанника. Окончательная выработка міровоззрѣніи является всегда результатомъ самостоятельной дѣятельности каждаго въ его дальнѣйшей жизни. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и того, что педагогъ можетъ съ своей стороны заложить ихъ твердый и прочный фундаментъ. Дѣло же педагога дать своему питомцу первоначальный разумный взглядъ на весь окружающій его внѣшній міръ и міръ людей. Его обязанность — указать въ чемъ заключается жизнь природы, какова въ ней роль человѣка и тѣмъ самымъ дать ясное представленіе объ окружающихъ условіяхъ и о требуемомъ въ данномъ случаѣ характерѣ дѣятельности. Такимъ образомъ педагогъ и положить до извѣстной степени основы убѣжденій своего питомца и первый начнетъ формулировку и направление въ ту или другую сторону его міровоззрѣніи. Если же воспитаніе не будетъ упрочено на твердыхъ устояхъ, воспитанникъ можетъ быть всецѣло преданъ впоследствии во власть чисто внѣшнихъ и случайныхъ условій жизни и борьбы за существованіе.

Дѣло педагога можно сравнить въ нѣкоторомъ родѣ съ

дѣломъ проводника. Знающій и опытный проводникъ всегда увѣренъ въ себѣ и ведетъ за собой также увѣренно. Ему хорошо знакомъ и извѣстенъ цѣлый рядъ извилистыхъ и запутанныхъ тропинокъ, по которымъ онъ можетъ вывести на просторъ, на широкую дорогу. Окажись проводникъ, сверхъ ожиданій, неопытнымъ или черезчуръ самонадѣяннымъ и путникъ въ большой опасности. Ему предстоитъ долго и томительно блуждать по дебрямъ и можетъ быть окончательно сбиться съ дороги. При этомъ каждому проводнику болѣе или менѣе и самому должно быть извѣстно, что чѣмъ болѣе онъ сосредоточенъ и не отвлекается въ сторону, тѣмъ цѣль его лучше достижима.

Дѣлая сравненіе педагога съ проводникомъ, на опытность послѣдняго мы указали, какъ на одно изъ главныхъ условій успѣха. Дѣйствительно, педагогу не менѣе, чѣмъ инженеру необходимо техническое умѣнье, которое пріобрѣтается только практикой. Если бы эта практика не имѣла теоретическихъ основаній, сама по себѣ она могла бы быть, конечно, вредна, одинаково, какъ и теорія, не связанная съ опытомъ, мало плодотворна. Теоретикъ съ своими отвлеченными формулами такъ же далеко не уйдетъ, какъ и практикъ съ своими всегда готовыми рецептами. Ясно, что теоретическая подготовка должна лечь въ основу педагогической дѣятельности, а опредѣленные пріемы, умѣнье и наблюдательность необходимо выработать самому педагогу. Каждый предусмотрительный земледѣлецъ, прежде чѣмъ дѣлать посѣвъ, изучаетъ и примѣняется къ почвѣ, чтобы опредѣлить безъ ущерба для себя, какія растенія могутъ пустить въ ней корни и какія безплодно заглохнуть. На томъ же основаніи и для педагога существуютъ не одни абсолютные законы, которыхъ онъ долженъ придерживаться неуклонно. Приступая къ своему дѣлу онъ также старается составить себѣ вполне ясное представленіе, какъ объ индивидуальныхъ качествахъ своего воспитанника, такъ и о состояніи той среды и общества, которыя его окружаютъ. Примѣниться къ этимъ условіямъ имѣетъ большое

значеніе. Въ обыденной жизни бываетъ, вѣдь, часто труднѣе разобратъся, чѣмъ въ самыхъ мудреныхъ клинообразныхъ надписяхъ. Въ жизни за той условностью, которую мы сами же въ нее вложили, чуется всегда что то свое, особенное. Иной разъ намъ кажется, что мы шагнули въ жизни сильно впередъ, но, едва мы хотимъ твердо опереться на что либо, начинаемъ замѣчать, что у насъ подъ ногами не твердая почва, какъ мы могли рассчитывать, а дымное облако, грозящее разсѣяться, какъ сонная греза. Сама человѣческая натура въ сущности тотъ же сложный музыкальный инструментъ. Въ рукахъ опытнаго музыканта клавиатура инструмента даетъ стройные, гармоническіе звуки. Но въ то же время отдѣльные клавиши то и дѣло способны поражать музыканта чѣмъ либо неожиданнымъ и потому онъ всегда долженъ чутко прислушиваться къ ихъ тонамъ.

Проникнутый убѣжденіемъ, что среди самаго лучшаго общества, какъ нѣтъ вполнѣ безусловно нравственныхъ людей, такъ и нѣтъ ужъ такихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, въ которыхъ бы случай или опытное руководство не могли зажечь огня высокаго чувства, педагогъ не станетъ относиться враждебно къ недостаткамъ и порокамъ отдѣльныхъ личностей или цѣлаго общества. По мѣрѣ силъ и возможности, онъ будетъ считать своею обязанностью стремиться исправлять недостатки, противодѣйствовать имъ и парализовать ихъ вредное вліяніе. Педагогъ во многихъ случаяхъ тотъ же врачъ, котораго не можетъ и не долженъ пугать ужасный видъ язвъ его пациентовъ. Подобно врачу, онъ хорошо уже знакомъ со всѣми условіями, способствовавшими развитію этихъ язвъ. Какъ раньше лѣченія, такъ и раньше воспитанія необходима постановка опредѣленнаго діагноза; необходимо отдѣлить врожденные качества воспитанника отъ пріобрѣтенныхъ, необходимо изучить его основныя способности и индивидуальныя особенности. И только этимъ путемъ есть возможность уяснить себѣ тѣ или другіе переходы въ развитіи даннаго лица. Подобно врачу, педагогъ долженъ свыкнуться съ идеей, что его долгъ состоитъ

въ томъ, чтобы мужественно переносить и явленія, вызывающія отвращеніе, и даже обиды со стороны своихъ больныхъ. Проникнутый убѣжденіемъ, что все глупое и безнравственное, совершающееся наперекоръ знаніямъ и логикѣ, есть та же болѣзнь, онъ только съ безпредѣльной любовью проявитъ готовность, по силѣ и возможности, уврачевать эти недуги, но ужъ ни въ коемъ случаѣ не возьметъ на себя роль палача.

Если мы примемъ за правило положеніе Канта, что человекъ — художникъ прежде всего и искусство — его истинное назначеніе на землѣ, то видѣть въ лицѣ педагога художника одно изъ болѣе желательныхъ.

Наблюденія и опытъ могутъ указать на каждомъ шагу, что знаніе и способность передать его другому, умѣнье — далеко не одно и то же. Умѣнье передать это въ своемъ родѣ искусство и, какъ каждое искусство, можетъ быть доведено до степени художественности. Но обладаетъ вполне этимъ искусствомъ, къ сожалѣнію, меньшинство.

Казалось бы, чѣмъ обширнѣе познанія педагога, тѣмъ больше плодотворности можно ожидать въ его дѣятельности. Но, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣдь, бываютъ случаи, что педагога можно считать человекомъ въ полномъ смыслѣ слова образованнымъ, къ тому же еще владѣющимъ обширными свѣдѣніями по своей специальности. Повидимому, все на сторонѣ того, что само дѣло будетъ итти образцово, а между тѣмъ въ результатѣ оказывается иное. Причина въ томъ, что при всей широтѣ своихъ познаній педагогъ не умѣетъ передать ихъ, не обладаетъ искусствомъ примѣниться къ пониманію и запросамъ своихъ воспитанниковъ и поэтому не въ силахъ заинтересовать ихъ въ достаточной степени. Сама передача знаній въ этомъ случаѣ будетъ механической, которая не въ состояніи возбудить самодѣятельности у слушателей и вмѣсто желанной пользы производящая подчасъ какой то беспорядочный и досадный сумбуръ въ ихъ головахъ. Но, если педагогъ — настоящій художникъ своего дѣла, картина совершенно измѣняется. У такого педагога,

будеть ли это классъ или аудиторія, будетъ вполнѣ его студія. Очень можетъ быть, что по своимъ научнымъ познаніямъ онъ будетъ и ниже стоять перваго, но онъ умѣетъ вести свое дѣло, умѣетъ вліять на учениковъ и его уроки не пройдутъ безслѣдно. Присутствіе искры художественности дастъ возможность человѣку съ меньшимъ сравнительно научнымъ багажемъ вести удачно свое дѣло. Искра художественности всегда производитъ сильное впечатлѣніе на чуткую душу молодежи, и если впечатлѣніе къ тому же умѣло поддерживается, оно всегда оставитъ глубокой слѣдъ. Да и можетъ ли быть иначе, если преподаваніе педагога-художника ведется такъ тепло, согрѣто такой искренней задушевностью, которая чувствуется всегда, даже явно не высказываясь.

Какъ въ каждой сферѣ художественнаго творчества, веденіе дѣла педагогомъ-художникомъ всегда будетъ имѣть субъективный оттѣнокъ. Всякій истинный художникъ творитъ до известной степени самобытно и не можетъ быть рабомъ самыхъ образцовыхъ программъ и предначертаній. А. Мюссе очень характерно выразился, сказавъ о себѣ: *mon verre est petit, mais je bus de mon verre* (хотя мой стаканъ малъ, но пью изъ моего стакана). Въ сущности этого маленькаго „verre“ и скрывается вся тайна вліянія и успѣха. Что можетъ сдѣлать при такихъ условіяхъ выдающійся талантъ, болѣе или менѣе известно каждому. Но будь даже талантъ такого педагога и не изъ выдающихся, если вдобавокъ къ нему есть характеръ, есть свой отчетливый, ясный взглядъ на вещи и опредѣленное настроеніе, педагогъ этотъ не пройдетъ безслѣдно. Онъ оставитъ послѣ себя, можетъ и не грандіозное, но все же непремѣнно что либо цѣльное.

Педагогъ не можетъ быть названъ художникомъ, если онъ не психологъ. Не говоря уже о его теоретическихъ познаніяхъ въ области психологіи, его умѣнье наблюдать даетъ ему возможность скоро замѣтить, что всѣ знанія, добываемыя его питомцемъ, идутъ для него медленнымъ, послѣдовательнымъ путемъ. И лишь тѣ знанія, которыя будутъ построены на

фактахъ и въ чемъ питомецъ убѣдится болѣе или менѣе самъ, — тѣ знанія окажутся для него вполне существенными. Однимъ словомъ, педагогъ-художникъ всегда будетъ сторонникомъ того вывода, что только самобытно созданное человѣкомъ можетъ составить вполне реальное его приобретённое. Основываясь на этомъ, сама передача знаній такимъ педагогомъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ догматической, какъ и правилъ нравственности — на вѣру. Онъ пойметъ, что такое воспитаніе, уничтожая у ученика навыкъ къ анализу, подавить вмѣстѣ съ тѣмъ у него стремленіе провѣрять чужія мысли фактами и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ ослабить даже способность мышленія. Если же педагогъ позволитъ себѣ увлечься и будетъ побуждать ученика дѣлать рѣзкія скачки, такая антигигіеническая гимнастика укажетъ только на недостатокъ опытности у педагога. Какъ истый художникъ, живущій всегда среди міра красокъ и образовъ, такой воспитатель, особенно въ началѣ дѣла, на первый планъ будетъ стремиться выдвигать все, говорящее болѣе чувствамъ, фантазіи, все болѣе легко усваиваемое. Онъ во всемъ и всегда сторонникъ большей наглядности. Изложеніе имъ каждаго знанія живо, образно. Сама привлекательность науки безусловно находится въ зависимости не отъ однихъ ея научныхъ данныхъ и свойствъ, но и отъ живого и разнообразнаго ихъ изложенія. Каждому болѣе или менѣе извѣстно, что одна и та же наука можетъ и выигрывать, и проигрывать въ своей притягательной силѣ для учениковъ, все смотря по преподаванію. Примѣръ преподавателя всегда заразителенъ. Живой интересъ къ наукѣ со стороны его способенъ увлечь и побудить заниматься иногда повидимому самымъ сухимъ предметомъ и наоборотъ его индифферентизмъ найдетъ въ той же мѣрѣ свое отраженіе въ его ученикахъ.

Достоинства педагога-художника находятся также въ тѣсной зависимости отъ его способности и умѣнья спускаться до точки зрѣнія и чувствъ, возможныхъ въ періодъ возраста

его питомца. На этомъ основаніи настоящій педагогъ никогда не станетъ навязывать воспитаннику что либо свое, личное, а будетъ болѣе наблюдать за его естественнымъ развитіемъ и стремиться его улучшить, усовершенствовать. Если педагогъ не забылъ своей школьной поры, своей молодости, онъ будетъ требовать отъ воспитанника лишь то, что въ силахъ тотъ дать въ данное время, но ужъ, конечно, никоимъ образомъ не позволитъ себѣ примѣненія къ нему своего собственнаго масштаба.

Передъ своими учениками педагогу мало быть учителемъ, преподавателемъ, а надо быть прежде всего человѣкомъ, который сѣумѣлъ бы согрѣть и освѣтить теплыми и яркими солнечными лучами ихъ утро жизни. Поэтому педагогъ въ полномъ смыслѣ этого слова всегда знаетъ болѣе или менѣе насколько для него необходимъ и цѣненъ тактъ и умѣнье опредѣлить состояніе интеллекта своего воспитанника въ каждый изъ моментовъ воспитанія, на столько же ему необходима при этомъ достаточная сила самоуправленія. Выработавъ ее и обладая ею, онъ будетъ въ состояніи сдерживать свои порывы, спускаясь до умственно-нравственнаго уровня своего питомца.

Задача педагога — задача черезчуръ трудная и требующая для своего рѣшенія очень многого. И если педагогъ, минуя всѣ терніи на своемъ пути, достигнетъ своей возвышенной цѣли и, привлекая къ себѣ людей, окажется способнымъ вызвать въ нихъ энтузіазмъ ко всему великому и возвышенному въ жизни, этимъ онъ докажетъ присутствіе въ себѣ той искры прометеева огня, который нѣкогда былъ похищенъ у боговъ Олимпа и принесенъ въ даръ страждущему человѣчеству.

Вотъ тѣ общія мысли, которыми я хотѣлъ подѣлиться съ вами, господа! Онѣ могутъ показать вамъ, какъ я смотрю на нашъ Педагогическій Кругъ, чего могу ждать отъ него и при какихъ условіяхъ. Мы не должны здѣсь задаваться широкими цѣлями, здѣсь лишь маленькое дѣло: наша дѣятель-

ность здѣсь маленькій узенькій мостикъ, который мы перебрасываемъ къ будущей практической дѣятельности. Ту работу, которая вамъ предстоитъ на первыхъ порахъ вашей самостоятельной дѣятельности, мы переносимъ сюда, въ стѣны Университета. Попытаемся же сдѣлать ее общими силами. Правда, предъ нами не будетъ того многосторонняго матеріала въ лицѣ нашего младшаго, подростающаго поколѣнія, но и это къ лучшему. Немного освоившись съ разнообразными педагогическими вопросами, съ разными вопросами педагогической техники, вы затѣмъ будете подвергать менѣе мучительной вивисекціи своихъ будущихъ питомцевъ. Я боюсь подробнѣе говорить о предстоящей дѣятельности нашего Кружка, предварительно подробно начерчивать ходъ нашихъ занятій. Какъ то невольно вспоминается при этомъ, что, вѣдь, у насъ былъ цѣлый рядъ предшественниковъ, съ строго выработанной, опредѣленной фізіономіей — въ лицѣ Педагогическихъ Курсовъ, Институтровъ. Исторія педагогическихъ учрежденій покажетъ вамъ, что у насъ много разъ назрѣвала мысль о недостаточности прохожденія лишь одного университетскаго курса для будущихъ педагоговъ. Мысль созрѣвала, получала воплощеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не получалось нужныхъ результатовъ. Какимъ трагическимъ, въ сущности, финаломъ нашихъ педагогическихъ учрежденій является основаніе филологической семинаріи въ Лейпцигѣ! Неужели же и нашему кружку выпадетъ на долю одна изъ прежнихъ проторенныхъ дорожекъ? Но здѣсь является и маленькая надежда на лучшее: вѣдь, кружокъ созданъ вашей инициативой, онъ ваше дѣтище, а не что либо навязанное вамъ, и потому вы же должны поддержать и развить, воспитать его. Наша школа переживаетъ въ настоящее время трудную долю. Она терпитъ перестройки. Раздаются голоса за полную ея ломку, за то, что не стоитъ накладывать заплатъ, что необходимо новое зданіе. Среди общества раздаются рѣзкіе отзывы о негодности программъ, учебниковъ, о томъ, что составляются будто-бы эти программы и учебники не съ точки зрѣнія живой дѣтской

и юношеской души, а съ точки зрѣнія какой-то черезчуръ отвлеченной, далекой отъ жизни, что вся наша средняя школа это „какіе то объѣдки со стола ученаго, спутанные и испорченные черновики ученыхъ конспектовъ“. Но часто не программы виноваты. Дѣло — въ исполнителяхъ, а ихъ то общество еще и не успѣло создать. Но важень уже этотъ періодъ критики. Какая разница, на примѣръ, въ отношеніи теперь съ тѣмъ, что было раньше.

Есть еще и нѣкоторыя другія, чисто мѣстныя особенности нашего Университета, могущія способствовать развитію нашего Кръжка: среди студентовъ разныхъ факультетовъ есть лица, посвящавшія себя педагогической дѣятельности, прошедшія суровую школу народнаго учительства. И хотя членами Педагогическаго Кръжка являются лишь студенты историко-филологическаго факультета, мы рады видѣть въ числѣ своихъ гостей и студентовъ всѣхъ другихъ факультетовъ. Мы рады были бы видѣть не только въ числѣ своихъ гостей, но въ качествѣ референтовъ студентовъ физико-математическаго факультета, такъ какъ мы должны помнить, что работа предстоитъ общая, что все средне-учебное воспитаніе должно сводиться не къ спеціализаціи, а составлять нѣчто общее, гармоничное, должно вести къ цѣльному образованію, необходимому для каждаго. Намъ пріятно было бы видѣть въ качествѣ своихъ сотрудниковъ и студентовъ-медиковъ: намъ нужно будетъ считаться съ ихъ воззрѣніями на многіе вопросы.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы высказать свою благодарность студентамъ историко-филологическаго факультета, выразившимъ желаніе имѣть меня руководителемъ Кръжка.

Ваше, господа, дорогое для меня довѣріе и расположеніе я не склоненъ, конечно, истолковывать въ томъ смыслѣ, что вы не могли избрать себѣ лучшаго руководителя. На нашемъ факультетѣ есть профессора съ научной уже извѣстностью и съ богатымъ педагогическимъ опытомъ, имъ по праву принадлежитъ руководство Кръжкомъ. И, если вашъ взоръ остановился на мнѣ, то, конечно, въ силу того, что Вы хо-

тѣли имѣть во мнѣ скорѣе старшаго товарища въ разрѣшеніи одинаково занимающихъ насъ вопросовъ. И я согласился принять ваше предложеніе, видя полное сочувствіе вашему начинанію со стороны моихъ старшихъ товарищей, заручившись ихъ обѣщаніемъ постояннаго содѣйствія, помощи. Итакъ мы можемъ надѣяться, что, наряду съ студенческими рефератами, мы будемъ слушать здѣсь и рефераты специалистовъ, будемъ пользоваться ихъ постоянными указаніями.

Est.
A-10851
16396

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 01064748 7